

Имена

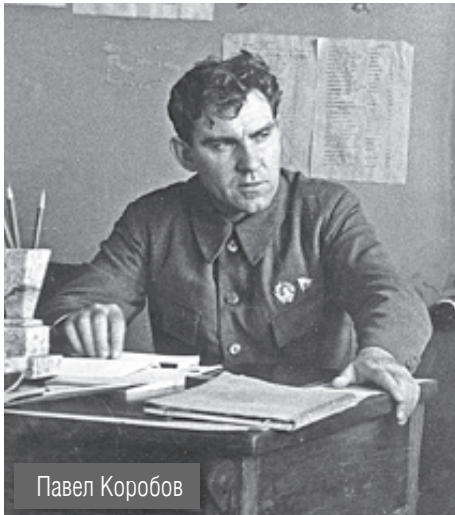
Легковой парк 30-х годов

Авраамий Завенягин

Александр Борисов

Павел Коробов

Григорий Носов

Владимир Зудин

Дорогами памяти

Он был бессменным водителем многих директоров комбината – от Авраамия Завенягина до Владимира Зудина

Судьба Александра Андриановича Савенкова тесно переплеталась с Магниткой. Он не строил домен и мартенов, не закладывал фундаменты первых зданий будущего города. Он всю жизнь проработал шофёром и по роду деятельности бывал и там, где строился первый капитальный дом, и там, где среди палаток и барakov из чёрной перелопаченной земли вырастали корпуса цехов.

На Магнитострой он попал в 1929 году. Осенним вечером паровоз, выпустив клубы пара, остановился у подножья горы Атач. Александр выглянул в окно: ни города, ни вокзала. Один только старенький товарный вагон с вывеской «Станция Магнитогорская». Вслед за другом Алексеем Петровым Александр подхватил узелок и поспешил к выходу. Приезжих временно поместили в строящийся возле самой горы клуб. Через три дня тех, кто приехал по путёвкам комсомола, поселили в общежитии на четвёртом участке – в длинном приземистом бараке. Кинув на топчаны набитые соломой матрацы и застелив пахнущие мылом и хлоркой простыни, парни затихли. В бараке стоял гул: кто-то пел бод балалайку, кто-то спорил с соседями, где-то стучали костяшки домино. Мысли унесли Сашу Савенкова в родное село Великопетровское. Может, зря он сюда приехал? Может, нужно было поехать на учёбу в Свердловск? Савенков одно время работал в Анненском леспромхозе: пилил и возил лес. Там трудолюбивого парня заметил лесоустроитель и предложил поехать на курсы лесорубов. Но

Саша медлил с ответом, а тут пришло известие о том, что возле горы Магнитной началось строительство огромного завода. В местной ячейке комсомола его спросили: «Поедешь на Магнитострой? Там курсы организуют, закончишь – будешь квалифицированным рабочим». И вот он в Магнитке. Занятия проходили недалеко от общежития. Александр готовился стать каменщиком: таскал бутовый камень, замешивал раствор, учился выкладывать стенки из кирпича и шлакоблоков. Но стоило ему увидеть автомобиль, забывал обо всём на свете. Мечтал управлять этой сложной техникой. Как-то вечером поделился этими мыслями с другом Лёшкой. Тот предложил идти на курсы шофёров. Полгода Саша изучал теорию и устройство полторатонного грузовика «АМО-15» и легковушки «фиат». Практика, напротив, была короткой. Объём земляных работ увеличивался с каждым днём: котлованы под мартены и коксовые батареи, траншеи под водоводы. Грабарки не успевали вывозить грунт. Молодых шофёров готовили для работы на грузовиках – новая партия должна была поступить на стройку. И вот настал день, когда Савенков сел за руль без инструктора, удостоверение шофёра третьего класса придавало парню уверенности. На радости он так начистил свой старенький «форд», что тот сиял, как алмаз. Смена пролетела как одна минута. Так же незаметно прошёл год, за ним второй. Александр пересел на грузовик итальянской марки – отечественное автомобилестроение ещё только набирало обороты. Затем была служба в армии. Демобилизовавшись, в 1934 году Александр Савенков прямо в солдатской форме пришёл в свою

автобазу и уже в следующую смену ездил на легковом автомобиле.

«По шофёру грузовика судят об автобазе, где он работает. По шофёру легковушки – о культуре всего города, – напутствовал его начальник. – Вozить будешь директора, вышедшего из народа и народом на высокий пост поставленного»

Машина Савенкова всегда была исправной, опрятной, надёжной. Через его руки прошли все марки легковушек, которые поступали в Магнитку. «Начинал работать после армии на легковой машине «Торпедка» завода ГАЗ, – вспоминал Савенков. – Ничего была машина, прочная, с приличной для того времени скоростью. Потом пришли машины с деревянными спицами в колёсах. В 1936 году прибыли «линкольны» из Америки. А потом стали появляться наши отечественные «эмки» и «ЗИС-101». После войны – «Победы», «ЗИС-110», «Волги».

С тех пор почти полвека Александр Савенков не выпускал баранку из рук. Возил директоров ММК Авраамия Завенягина, Павла Коробова, Григория Носова, Александра Борисова, Феодосия Воронова, Владимира Зудина.

«Всех помню, но выделяю Григория Ивановича Носова, – вспоминал Александр Андрианович. – Особый человек был, редкостный. Не просто было с ним работать: сам на пределе сил, можно сказать, сверхъестественно жил и трудился, и от других требовал работы до самозабвения. Да по-другому и нельзя было – война. Много не говорил,

в себе, видно, все перерабатывал, всё думал, думал... Вот выйдет из заводоуправления, сядет в машину, одно слово только и кинет: «На комбинат». Проедем уже проходную, приторможу, спрашиваю: «Куда поедет, Григорий Иванович?» Не сразу ответит. Видно, нелегко переключиться от дум своих к моему вопросу. Посмотрит на меня, прикроет ладонью глаза, сожмёт пальцами виски: «На домну давай». На износработал человек. Особенно трудно было, когда броневого лист катали. Дни и ночи пропадал на стане директор. Помню, однажды авария произошла там, директор не ушёл из цеха, пока всё не наладили. Знал, как это важно, да и Москва постоянно тревожила. Больше с Молотовым было телефонных разговоров, Сталин тоже звонил. Как-то на охоте вспомнил Григорий Иванович, как начинали его директором. В министерстве в то время работал бывший начальник нашего коксохима Кузьмин, который предлагал другую кандидатуру на пост директора. Москва так ответила: «Нет, мы Носова лучше знаем, не подведёт». И впрямь не подводил. Бывало, простывший весь, еле-еле говорит. Я ему: «Григорий Иванович, отдохнули бы, совсем ведь больной». Отвечает: «Ничего, ничего, Саша, вынесу». Постоянное утомление, перегрузки вконец испортили сердце. Не раз мы с референтом Холоповым отхаживали его в кабинете. Запомнился такой случай. В сорок седьмом году приехал в Магнитку Каганович. По хлебозаготовкам проверку делал, в Верхнеуральск направлялся. Поехали мы с Григорием Ивановичем на вокзал встречать гостей. Прибыл член правительства со своим вагоном, с машинами, охраной. Сижу жду, какие будут указания. Выходят Каганович, генерал и Носов. Каганович сел рядом со мной, сзади – генерал и Носов. За нами – горкомовские машины и охрана. Поехали. Они меня торопят: быстрее, быстрее. Опаздывали на совещание. Ну, я и дал 50–60 километров. Оторвались от всех. Приехали, а охрана только минут через сорок подъехала. Когда вернулись в Магнитку, Каганович

стал комбинат смотреть. Сначала официально обращался: товарищ Носов. Посмотрели ГОП, домны, мартены. Слышу, Каганович говорит: «Так вот, Григорий Иванович, мы людей посылаем за границу. А надо к вам посылать учиться работать». Однажды поздно вечером садится директор в машину и говорит: «Давай, Саша, на 14-й участок. Жена у меня в роддоме. Выходит вскоре сияющий, показывает два пальца и поясняет, что два сына родились, Гришка и Ванька. «Обмыли», конечно, его сыновей. Бывало, заканчивается неделя, вижу, измотан директор до предела, спрашиваю: «Григорий Иванович, куда в воскресенье поедет, может, на рыбалку? Вскинется так: «А что, выходной уже?» Хотя редко удавалось, но любил выехать на охоту, на рыбалку. Наладим костерок, уху заварим, выпьем. Совсем другой человек: всё рассказывает, рассказывает, шутит. Мечтал всё: «Пойдём на пенсию, обязательно на Белую съездим, порыбачим». Одинаков был, что с рабочими, что с инженерами. Главное, чтоб специалист был хороший. Здесь уж полное уважение. Ничего не жалел для них: весь директорский фонд шёл на премирование за выполнение важных заданий, да ещё и из своей депутатской тысячи туда же прихватывал. Помню, в войну было: подъезжаем к служебному входу со двора заводоуправления и видим, как у котельной мальчишка лет двенадцати в мешок уголь накладывает. Велел Григорий Иванович разузнать, что за «партизан» такой. Выясняется, что отец на фронте, мать уборщицей работает, живут на Ежовке, в землянке. Тут же Григорий Иванович распорядился через начальника снабжения отправить семье фронтовика машину угля. А это уже после войны было. Обратился к Григорию Ивановичу шофёр Сидоров. Семья большая, семеро детей, почти нищенствовали. Помог директор без разговоров: со склада выдали одежду, обувь, матрацы, одеяла. Вот такой он был, Григорий Иванович».

✍ Елена Брызгалина